

К вопросу генезиса государства (на примере древнеперсидского государства)

Панищев А.Л.
Россия, Курск

Государство есть шествие Бога по земле

И.В.Ф. Гегель [1, 284]

Вопрос генезиса государства представляется весьма серьёзным и в антропологическом ракурсе целостно ещё не проработанным, хотя исследования в данном направлении ведутся, причём небезуспешно. Традиционно идею государства связывают с понятием *цивилизация* (от лат. *civilis* – *гражданственность*). Среди основных черт цивилизации выделяют оседлость, грамотность и наличие города. Поскольку в одной статье невозможен должный анализ вышеназванных основных черт, присущих цивилизации, поэтому подробно охарактеризуем последнюю – *наличие города*. Данная черта свидетельствует о складывании административного и экономического центра, вокруг которого происходит объединение культур. Город по своей сути является особенно важным атрибутом цивилизации, наиболее существенным его аспектом.

Город являет собой первую форму государства, хотя, по сравнению с последним, он выглядит несравненно меньше в размерах. В самом деле, уже в городе складываются основные атрибуты государства – наличие администрации, законодательства, вооружённых сил, системы образования. Поэтому о древнем городе-полисе можно, с некоторыми оговорками, вести речь как о государстве. Прежде всего, выделим главное в государственном фундаменте: почти во всех или абсолютно во всех культурах доминировала установка, сообразно которой *государство есть земное отражение мира богов*. В соответствии с такой установкой, считалось, что люди, принявшие государственность как форму своего бытия, призваны жить, как боги. Поэтому-то вопрос вероисповедания являлся не просто поводом для праздного времяпрепровождения, интеллектуальных дискуссий или упражнений в изящной словесности, а принципом самой культуры, в которой вырабатывалась парадигма правового развития нации. Действительно, именно от чистоты и ясности религиозного опыта, истинности исповедуемой религии во многом зависит потенциал нации, вектор её развития и характер её государственности, если таковая определённой общностью будет создана вообще. Не случайно вопросы религии часто являются наиболее болезненными, нередко провокационными, наполненными взаимными упрёками. Эти вопросы обращены к самой глубине национального сознания, затрагивают то, что понимается в категории святости и неприкосновенности. Г.В.Ф. Гегель точно отметил: «Все народы знают, что именно религиозное сознание есть та сфера, где они обладают истиной, и в религии они всегда

видели своё достоинство...» [2, 206]. Именно в религиозной жизни нации как единого целого организма формируется образ идеального, который принимается всей общностью в качестве цели своего развития и абсолютной нормы. Обычно выразителем и наиболее близким к материальному и нравственному воплощению идеала, признанного в качестве такового в культуре, является фигура правителя – царя. «Царь, согласно общим представлениям, высшая фигура... он становится носителем мифа, то есть выражения коллективного бессознательного» [3, 252]. Именно царь своим примером и своими речами санкционирует то или иное поведение, доминирующее в его народе. Однако для того, чтобы образ царя воспринимался людьми как разумный и правильный, а сам царь не отходил от должных принципов поведения, между ним и духовенством всегда сохраняется более или менее тесная связь. В этом отношении царь предстаёт, образно говоря, телом культуры, её материальным выражением, в то время как духовенство – её душой, внутренней силой, сохраняющей связь с высшим духовным миром для разумного воздействия на тело культуры. Более или менее важные аспекты религиозного вероучения свидетельствуют о методах достижения цели и формах бытия, при которых цель достижима с наибольшей вероятностью. Обычно такой формой бытия человека и общества является государство, которое указывает на сформированность цивилизации. Государство есть непереносимое условие для осуществления человеческой природы во всей её полноте, насколько это позволяют границы законов естественно-физического мира. Поэтому-то вопросы догматики веры обладают глубоким смыслом. «Народ, имеющий плохое понятие о боге, имеет и плохое государство, плохое правительство, плохие законы» [2, 400]. Безусловно, в основании любой религии лежат, в первую очередь, нравственные нормы, а развитие богословских учений возможно только при последовательном соблюдении основных этических норм, при сохранении духовной чистоты. Вне духовных и нравственных норм всякая религия вырождается в сектантство. Вот почему, если мы обратим свой взор на генезис каких-либо государств, то увидим, что люди, построившие фундамент государственной машины, как правило, отличались мужеством и благородством. Именно в государстве наиболее действенно охраняются свойства человеческой природы, такие как доброта, целомудрие, ответственность. Вследствие всего вышеозначенного можно утверждать то, что государство есть зримое выражение заботы человека о своей природе, его бережного отношения к своему духовному миру и духовности других людей.

При рассмотрении вопроса природы и субстанциональной основы государственности всплывает в памяти укоренившаяся в научном мире точка зрения, согласно которой в качестве одной из основ государства непременно выступает город. Действительно, государство формально начинается с города, ибо человеку невозможно своими силами изменить весь мир, преобразовать всё обозримое пространство. Город здесь выступает важнейшим атрибутом государственности народа, свидетельством его высокого общественного развития и уровня материальной культуры,

характерной для той или иной цивилизации. Надо отметить, что города древних культур устраивались как некое пространство, организованное по образу пространства мира богов, как место, где люди из поколения в поколение могут вести свою жизнь, как боги. Именно религиозные мотивы служили убедительным доводом, веской мотивировкой для обоснования постройки городов в дохристианских культурах Древнего Шумера, Древней Индии, Персии, этрусков, Древнего Рима. Построение города – это не просто механический процесс, а сакральный акт, обращённый к самой природе человека.

Для того чтобы более основательно подойти к вопросу, касающегося обсуждения роли, значения города в становлении государства, будет весьма полезным обратиться к истории древних цивилизаций. Здесь, прежде всего, усматривается то, насколько сложно, неоднородно понимание значимости города в древнем мире. Собственно говоря, сами по себе требования к поведению, к духовному облику горожан были несравненно выше, чем к образу жизни селян. Необходимо подчеркнуть и то, что закладка города являлась сложным сакральным процессом. В обозримой истории человечества в одной из самых древних цивилизаций – хараппской – город имел глубокое смысловое значение. Об этой цивилизации мы знаем лишь по многочисленным археологическим раскопкам поселений в долинах рек Инда, Сабармати и пересохшей Сарасвати. Из тысячи городов наиболее хорошо сохранились Долавир, Лотхал, Мергар, Мохенджо-Даро и Хараппа. Полученные в результате исследовательских раскопок сведения об этих городах являют собой пример чёткой планировки, сакральной организации по Васту-шаштре. Васту-шаштра – это система принципов градостроительства, ориентированная на религиозные воззрения. Васту-шаштра предполагает такое планирование города, при котором его застройка, архитектура соответствовали бы представляемому божественному мирозданию. Таким образом, считалось, что человек, живущий в городе, построенном по Васту-шаштре, способен к жизни в гармонии со Вселенной и божественной волей¹.

Надо признать то, что города на территории Древней Индии (современного Белуджистана в Пакистане) существовали ещё в дохараппский период и строились по определённому плану. Примером тому служит город Рехман-Дхери, население которого, согласно археологическим данным, составляло 10-15 тысяч человек. Население городов хараппской цивилизации было ещё более многочисленным. Поскольку археологические раскопки этих городов ещё полностью не завершены, окончательно назвать количество их жителей не представляется возможным; однако, по последним сведениям, можно предположить то, что, по всей вероятности, в них проживало от 35 тыс. до 100 тыс. человек. Для древнего города, не знавшего

¹ Сведения о Васту-шаштре учёные находят в книгах более древних, чем Махабхарата например, в таких как Манасара, Майямата, Брихат-Самхита. Эти трактаты являют собой своеобразную книгу, повествующую о жилище, о месте относительно длительного пребывания человека.

техники Новейшего времени, такое население было показательным, ибо только развитая цивилизация способна обеспечить администрирование такого города, обеспечение его жителей едой, питьевой водой, санитарными удобствами, оперативными способами уборки мусора.

В другой цивилизации – шумерской – обнаруживаются схожие установки в градостроительстве. Древнешумерские города были весьма большими. Так, археологические раскопки города Ур, которые производились в 1922-1934 гг. под руководством английского археолога Л. Вулли, показывают, что в период своего расцвета (XXI в. до н. э.) в Уре насчитывалось 5250 жилых домов, что соответствовало населению, с учетом домашних рабов, 40-50 тысячам жителей. В Древнем Шумере центром города (в том числе и административным) всегда был зиккурат. Место, на котором он возводился, – зиккурат – первоначально символично оплодотворялось богом. Таким образом, освящалось само место основания города, утверждалось то, что земля, на которой строится град, должна быть чистой. Примечательно, в шумерских городах использование оружия было под запретом, и преступление рассматривалось не просто как акт, направленный против своего ближнего, но и как святотатство. Напротив, ценились по достоинству, высоко котиrowались разносторонние знания. Горожанин имел возможность постичь мудрость, обрести глубокий ум, опирающийся на жизненный опыт, то есть в окружающей обстановке получение образования становилось делом вполне осуществимым. В городах со всей очевидностью проявлялось стремление человека к уразумению, к изучению загадочного движения небесных тел, предпринимались определённые попытки к постижению основ мироздания, что содействовало потенциальной осуществимости господства человечества над остальным физическим миром, его преобразованию, согласно высшим духовным представлениям о должном.

Подчеркнём тот немаловажный факт, что первые правители, администрировавшие древние города, выполняли и религиозные функции, то есть являлись жрецами. Однако по мере размывания нравственных законов, стирания априорных представлений о должном поведении, естественное право теряло своё влияние, традиции частично забывались, частично искажались, что в конечном итоге и послужило побудительной причиной и дало толчок к обращению общества к идее необходимости написания законов, первые из которых и появились в Древнем Шумере. Примечательно, что в шумерских городах и произошло ясное, недвусмысленное разделение религиозной власти шангу – верховного жреца – и светской власти – лугалья – царя, правителя, главы города. Тем не менее и лугаль никогда полностью не выходил из-под тени зиккуратов, всегда нуждался в религиозном санкционировании своей власти. Так, статус лугалья подчёркивался его восшествием и пребыванием на особом месте – на *троне*. Некоторое время лугаль занимал именно *трон*, однако постепенно вместо трона, как одного из символов царской власти, появляется *престол*, что указывает на то, что царь стал наделяться божественными качествами. Здесь важно понимать то, что

трон помещается в зале по решению людей, которые могут его вынести и в другое место, а престол есть центральная часть зиккурата, которую занимает божество. Цари отличались также тем, что инициировали строительство храмов, как правило, собственноручно принося на место строительства первую корзину с глиной. Считалось, что этим поступком царь уподоблял себя богам. Зиккурат, заложенный лугалем таким образом, понимался в качестве духовного центра города, чрез который община сохраняла свою связь с трансцендентным бытием.

Впоследствии шумерские принципы планировки города были отражены в персидской культуре, органичной частью которой была религия зороастризм. Разумеется, однозначно связывать персидскую культуру с шумерской некорректно, поскольку в историческом промежутке между эпохой шумеров и персов мы видим царствование многих иных народов, перенимавших и донёсших до персов культурную традицию шумерской цивилизации на основе собственных культурных традиций. Тем не менее почти все народы Междуречья очень бережно относились к идее государственности, которая была наиболее полно развита к учению зороастризма.

Понятие *государства* как значимой ценности и свыше установленной формы бытия людей прослеживается в наиболее ранних текстах Авесты – Священного Писания зороастризма. Понятие *страны (государства)* читается в наиболее древних текстах Авесты, в частности в гимне к Ахура-Мазде, к Хварно (Гимн Ахура-Мазде, 17, гимн Хварно, 1). Духовно-этические же нормы и почитание закона понимались как фундамент для сохранения государства. В зороастризме одним из тварных богов, иногда представляемым в качестве ипостаси Ахура-Мазды, является Митра – бог справедливости. Несправедливость персы не просто осуждали, но и жестоко карали как на бытовом, так и на государственном уровне. О несправедливых людях в Авесте написано так (Гимн Митре, 2):

*Страну разрушит подлый,
Тот, кто не держит слова, –
Он хуже ста мерзавцев
Благочестивых губит.
Будь верен договору
Ты данному, Спитама,
И лживым иноверцам,
И верным в благочестьи, –
Ведь слово договора
Принадлежит обоим:
И верным, и лжецам.*

Понятие справедливости как в государственной, так и в повседневной жизни иранцев, играло фактически культовую роль. Несправедливые люди рассматривались как прислужники Анхра-Маньи (Дух зла), а поэтому с ними надо было бороться с максимальной жестокостью. В зороастрийских текстах отмечено, что судья, который судит справедливо и не берет взяток, в своём

деле подобен Ахура-Мазде (Господь Разума), а тот, кто судит несправедливо, в своем деле подобен Анхра-Манье и дэвам. В зороастрийских семьях стремление к справедливости целенаправленно поощрялось и прививалось с раннего детства. Культ бога Митры, хотя и являлся в зороастризме второстепенным, но в действительности распространился и за пределами Ирана и даже сложился в самостоятельное религиозное течение.

Основы административного деления государства мы также можем проследить в Авесте. Конечно, от Авесты до нашего времени дошли только фрагменты, что связано, во-первых, с оккупацией Персии войсками под командованием Александра Македонского. Во-вторых, когда мусульманские завоеватели беспощадно убили большинство зороастрийцев, многие авестийские трактаты были уничтожены и исчезли бесследно. Тем не менее некоторые тексты Авесты уцелели; также существует обширный корпус пехлевийских текстов, в которых мы встречаем описание уже утраченных авестийских книг. Проанализируем тексты Авесты на предмет исследования государственности как свыше установленной формы человеческого бытия. Начнём с так называемой «Географической поэмы»².

В данной поэме описывается творения Ахура-Маздой благ и порождения Анхра-Маньей не-благ. В текстах этого трактата неоднократно употребляется понятие *страна* в качестве творения Ахура-Мазды. Причём понятие страны фигурирует во всех переводах этого текста [4]. Что же касается дел Анхра-Маньи, то он «состряпал» место греховной похоти, выражающей идею абсолютной мерзости и растления³. Все силы зла направлены на то, чтобы погубить людей, а делается это через разрушение и отравление государственности.

Важнейшим атрибутом государства является наличие легитимной власти. Чтобы более глубоко понять связь между религиозными представлениями и происхождением института государственной власти, обратимся ко второму тексту Авесты – «Миф об Йиме». Традиционно Йима в

² Авестийские космогонические и космологические мифы известны по жреческому трактату "Бундахишн" ("Первотворение"), являющемуся среднеперсидским переложением утраченного 4-го наска (Дамтат-каска) Авесты с многочисленными изменениями и вставками. Сохранившиеся же тексты "Младшей Авесты" практически не содержат ни сведений о начальном этапе творения, которые дополняли бы учение "Гат", ни антропоморфных описаний устройства Вселенной,— зато в 1-м фрагаде "Ведевдата" довольно подробно рассказывается о сотворении стран внутри Хванираты. Этот миф традиционно называют «Географической поэмой», хотя данное название следует признать условным.

³ Здесь надобно принять к сведению то, что во многих культурах (в том числе персидской) эталоном порочности и проявления зла является разврат, ибо блудница есть первостепенный союзник Анхра-Маньи. В Авесте о блудницах сказано так: «Они более достойны быть убиты, чем извивающиеся змеи, или чем волки воющие, чем волчица, нападающая на живые творения, или чем жаба, плодящаяся тысячами, что нападает на воду» (Ведевдат, фрагад 18, стихи 65). В данном случае важно учесть то, что со змеями, жабами, волками зороастрийское учение призывает бороться, как с порождениями Анхра-Маньи, поэтому такое сравнение очень существенное и весьма показательное.

зороастризме считается первым царём (или одним из первых царей) в государстве, установленном богом. Здесь нельзя забывать о роли царя в системе культурных отношений. Как уже отмечалось, царь есть фигура, выражающая бессознательное коллектива, его сущность. Согласно общекультурным традициям, царь (в Египте – фараон) представляет свой народ перед богом или богами. В принципе при Сасанидах первым царём чаще называют Гайомарта. Впрочем, каким бы именем ни нарекался первый царь, в зороастризме ясно пишется о том, что распространение зла в мире берёт начало с грехопадения царя, как человека, представляющего свой народ в некоем метафизическом бытии. Здесь надо принять во внимание то, что в религиозных учениях грех, как правило, не имеет собственной онтологической самостоятельности⁴, однако после нарушения человеческой природы зло начинает ею питаться и существовать за счёт её поглощения, что подобно вирусу, живущему за счёт клетки. Нарушение человеческой природы мыслится в контексте утраты ею связи с Богом, после чего люди становятся уязвимыми в отношении греха. Символично, утрата такой связи выражается каким-либо непослушанием: так Йима начал убивать скот и питаться мясом, что в итоге и вменялось ему в вину. Разумеется, совершение таких деяний вовсе не означало того, что Йима – злодей в криминальном смысле, поскольку в нём сохранились и положительные качества, однако он стал уязвимым ко греху, который с момента его грехопадения органично вживается во всё пространство физического мира. Таким образом, мы видим, что в культуре зороастризма сформирована идея значимости роли царя, который отвечает за связь своего народа с божественным бытием. Образ царя одновременно подчёркивает то, что человек сам по себе не обладает онтологической самостоятельностью, и полнота его природы мыслится лишь в значении его связи с Богом. Связь человека с Богом сохраняется на основе соблюдения божественных законов. Примечательно, что миф об Йиме начинается с диалога между Ахура-Маздой и Йимой, который отказывается быть проповедником *благой веры* (именно так называется зороастризм, а само название «зороастризм» предложено европейцами); тогда Бог предлагает Йиме быть правителем народа, чтобы приумножать земные блага. Надеюсь, будет вовсе не лишним привести для пояснения отдельные отрывки из древнего сказания, а именно: «3. Так сказал ему, о Заратуштра, я, Ахура-Мазда: «Стань для меня, о Йима прекрасный, сын Вивахванта, хранящим и несущим Веру!» Но так ответил мне на это Йима прекрасный, о

⁴ В зороастризме, где в основе мира мы видим Ахура-Мазду (Господь Разума) и Анхра-Манью (Духа зла), отмечается то, что когда Анхра-Манья пытался подойти к огню, то пламя выжгло ему органы чувств. Поэтому Анхра-Манья сам по себе слеп, глух, не имеет ни обоняния, ни осязания, однако он может видеть чужими глазами, слышать чужими ушами, говорить чужим голосом... Если человек становится слугой зла, то он уподобляется дэву, а его органы чувств используются Анхра-Маньей для совершения порочных дел. Человек оказывается слугой зла, если совершает греховные поступки, которые первоначально ему чужды, но по мере уподобления индивида дэву становятся ему свойственными и им желанными.

Заратуштра: «Не создан я и не обучен хранить и нести Веру». 4. И тогда ему, о Заратуштра, сказал я, Ахура-Мазда: «Если ты не станешь для меня, о Йима, хранящим и несущим Веру, то ты мне мир приумножай, ты мне мир возвращай! Ты стань мира защитником, хранителем и наставником!» 5. И так ответил мне на это Йима прекрасный, о Заратуштра: «Я тебе мир приумножу, я тебе мир возвращу, я стану мира защитником, хранителем и наставником. Не будет при моём царстве ни холодного ветра, ни знойного, ни боли, ни смерти» [4]. Мы видим, что Йима взялся за дело приумножения благ и защиты мира вне проповеди религии, после чего в мир стало проникать зло. Это, возможно, свидетельствует о том, что человек сам по себе не может действительно бороться со злом. Так или иначе, но с момента стремления человека к самостоятельности, государственность стала основой для сохранения его человеческой природы. Государство отождествляется с порядком и приумножением благ, в то время как утрата государственности понималась в значении наступления хаоса, умножения бедствий и зла.

Если мы обратимся к понятию *рай*, то отметим следующее: в термине *рай* содержится идея *блага* и *порядка*. Английское слово *paradise* (рай) происходит от древнеиранского слова, означающего *отовсюду огороженное место*, и от древнегреческого, означающего *сад, или парк*. Такой сад являет собой своеобразный город (то есть огороженное место), ограждение которого символизирует чистоту бытия (целомудрие его обитателей). Именно такое понимание слова *рай* во многом позволит нам правильно осмыслить сущность и назначение государства, в пределах которого человек с максимально высокой вероятностью может обрести духовное спасение. В зороастризме прообразом огороженного места может служить Вар⁵, который Йима построил по указанию Ахура-Мазды для спасения людей и скота. Стало быть, именно в городе (атрибут государства) человек способен в наибольшей степени огородиться от мира зла и духовно возрасть. Внимательное отношение к городу в Персии, а главное, духовная чистота нации, стали основой для развития городской культуры в Иране, в котором с древности функционировали густонаселённые города. Поэтому-то, несмотря на то, что города Ирана отличаются густонаселённостью, в них не было (и по-прежнему нет) столь острой проблемы инфекционных заболеваний горожан, как это было (и поныне имеет место) в США и в странах Западной Европы. Здесь всегда надо помнить, что обычно инфекционные заболевания происходят от нечистоплотности горожан и от их неблагонравного образа

⁵ Вар – (от авест. *Вара*) – глинобитная крепость или замок, служащий убежищем для людей, скота, растений и огней во время наводнений, снегопадов, смертельных холодов зим. Судя по приводимому описанию, Вар, построенный Йимой, состоял из трёх concentрических кругов стен, во внешнем из которых было девять проходов, в среднем – шесть, во внутреннем – три. Таким образом, по планировке жилищ Вар напоминал поселения древних ариев, включавших при возведении строений круговые concentрические стены, открытые археологами на севере Афганистана и в Южном Приуралье. В русских говорах встречается слово *вар*, *варок*, означающее *скотный двор*, родственное древнерусскому *воръ* – *забор* и связанное с авестийским *вара*.

жизни. Хорошие санитарные условия и ухоженность персидских городов свидетельствуют о развитой системе администрирования, эффективном государственном аппарате, о чистоплотности и нравственном благополучии персов как нации.

Глубокие традиции государственного бытия персидской нации позволили образовать мощную Персидскую державу, в границах которой было объединено около 30 народов, каждый из которых обладал своей культурной традицией, своим языком, часто собственной письменностью. Причём господство персов как титульного народа вовсе не означало притирание культурных традиций иных народов, входящих в пределы их державы. Более того, если обратиться к истории, то мы увидим бережное отношение персидских царей к культуре иных цивилизаций. Так, персы, при покорении Древнего Египта в VI в. до н.э., умело использовали особенности культуры египтян (персидские воины впереди себя несли кошек, по которым египетские лучники не могли стрелять по религиозным причинам), однако при этом, после побед в Египте, проявили уважение к египетским традициям и к культуре в целом. Более того, персидский царь Камбис II объявил о свободе вероисповедания в Египте и запретил своим воинам грабежи населения (греческие исторические источники, касающиеся завоевания персами Египта, тенденциозны и часто не подтверждаются другими источниками, поэтому к описаниям данных событий греческими историками следует относиться довольно-таки критически). Весьма примечательным является то, что в Иране складывается идея религиозных свобод, равноправия всех наций и защиты основных прав и свобод подданных Персидской державы. Эта идея отражена в своде законов царя Кира Великого, правившего в VI веке до н.э. Данный свод написан клинописью на аккадском языке на глиняном цилиндре и вошёл в историю под названием «цилиндр Кира». Согласно законам Кира Великого, все народы, входящие в пределы Персии, объявлялись равными перед законом, независимо от национальной или религиозной принадлежности, а рабство в Персии было запрещено, в то время как, например, у греков (которые все иные народы называли варварскими, а себя считали просвещёнными) оно было нормативным явлением. Для тех же, кто хочет представить Иран исключительно в виде жестокого государства, хочется ответить поэтически так:

*Законы Кира второго
Уже не вычеркнуть им
С «цилиндра» весьма простого,
Провозгласившего мир.*

Таким образом, мы видим то, что в основе древнеперсидского государства лежат глубокие духовные традиции культур Древнего Междуречья, частично сохранившиеся в современном Иране и служащие одним из оснований в крепком фундаменте государственности Ирана.

Литература

1. Гегель, Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель. – М.: «Мысль», 1990. С. 490.
2. Гегель, Г.В.Ф. Философия религии / Г.В.Ф. Гегель. – 2 т. Т. 1. – М.: «Мысль», 1976. С. 533.
3. Юнг, К.Г. *Mysterium Coniunctionis*=Таинство воссоединения / К.Г. Юнг. – Минск: ООО «Харвест», 2003. – 576 с.
4. Географическая поэма – Режим доступа:
<http://avesta.isatr.org/avesta/0010101.htm>

Статья издана:

Панищев А.Л. К вопросу генезиса государства (на примере древнеперсидского государства) / А.Л. Панищев // Караван. – 2014. – № 31 (февраль-март). – С. 44-58.